Мечты сбываются

Автор:
Элен Алекс

Мечты сбываются

Элен Алекс

Доминик Соланг живет на берегу океана и может пить кофе по утрам, свесив ноги прямо в этот океан. Справа от нее живет знаменитый кинорежиссер, неподалёку – друг детства, а слева поселяется новый сосед. С кем из них ее свяжет судьба, пока не знает никто. Кроме, разумеется, самой судьбы, которая, как известно, большая затейница и шутница. И можно было бы попытаться ее обмануть, если бы… и эта попытка не была предусмотрена судьбой.

1

Меня зовут Доминик Соланг. Я живу на берегу океана и могу пить кофе по утрам, свесив ноги прямо в этот океан.

Наш город находится на краю мира. Здесь дома в беспорядке разбросаны по побережью, как будто тот, кто однажды сотворил вселенную, просто вытряхнул их из своего мешка изобилия, даже не задумываясь о том, как они тут расположатся. У нас есть соседи справа, слева, «подальше» и совсем «далеко», как выражается моя бабушка Аманда.

По утрам солнце всходит прямо из-за океана и властно заглядывает в окна домов, а по вечерам оно скрывается где-то далеко за городом. Бормотание океана не прекращается ни на минуту, он не дремлет ни днем ни ночью, мы привыкли к его постоянному присутствию.

По берегу всегда рассыпано неопределенное количество человеческих тел – на шезлонгах и под зонтиками, занимающихся бегом, прыжками в длину и пляжным волейболом. Мы можем наблюдать за ними прямо с веранды нашего дома.

У меня есть мама, но так получилось, что моим воспитанием занимаются тетя Бетси и бабушка Аманда. Мама – известный в определенных кругах археолог, и поэтому все эти черепки, горшочки и вазочки очередной древней эпохи, а также фотографии каких-то доисторических чудовищ для нее гораздо важнее переживаний, размышлений и достижений собственного ребенка. Так обычно говорит моя бабушка Аманда.

– А чем бы вы с Бетси тогда занимались, если бы у вас на руках не было Доминик? – недоуменно спрашивает мама.

Бабушка Аманда и тетушка Бетси начинают горько вздыхать и притворяться, что их жизнь не удалась.

– Ну-у, – они начинают смотреть по сторонам и выискивать трагедию там, где она и близко не лежала, – не переживай, мы бы нашли чем заняться.

– Ну-ну? И чем же?

– Ты уже забыла, что твоя сестра так и не стала знаменитой актрисой? – приходится лишний раз вспоминать бабушке Аманде.

– Ой, я вас умоляю, это даже уже неинтересно!

Мама уходит в свою комнату, где она молится и поклоняется какому-нибудь очередному неизвестному божеству, бабушка Аманда в этом уверена.

Итак, меня зовут Доминик, и я люблю яркое солнце, горячий песок и гладь океана. Я могу часами смотреть, как набегает волна на волну, или, закрыв глаза, чувствовать дуновение ветра на лице и делать вид, что задремала на берегу.

На самом деле я не могу спать, когда надо обдумать столько прекрасных вещей, столько восхитительной ерунды, которой заполнен каждый мой день, как

говорит моя тетя Бетси. Она знает, что я никогда не сплю на берегу.

Я люблю укутанный снегом лес, пушистые сугробы по колено и большие хлопья снега, неслышно падающие на мир. Но снег в наших теплых краях бывает очень редко.

Я люблю огонь в камине, лежать на пушистом ковре и читать все, что под руку попадется. Или же слушать рассказы тети Бетси о жизни и даже – поучительные монологи бабушки Аманды о необходимости праведных поступков.

На прошлой неделе от меня ушел жених. Он прочел мой дневник, не нашел своего имени на его страницах и умно понял, что в моей душе не отведено для него решающего места.

Тетка Бетси сказала, что глупее предлога для расставания она еще не видела. А я долго думала и в конце концов признала, что все давно шло к такому логическому концу.

Нас связывала одна привычка, мы стояли на месте и боялись перевернуть мир. Несмотря на молодой возраст, мы уже напоминали примирившихся с действительностью супругов, которым лень даже приготовить друг другу чашку чая.

Так что сейчас, когда я уже почти перестала думать о разрыве и могу быть уверена, что в мой дневник никто не заглянет, я сегодня же запишу в него две фразы. Вот они:

«Что бы я ни делала и где бы я ни была, мне всегда кажется, что за мной наблюдает голубоглазый принц. Идут годы, у нас с ним разные жизни, нас окружают разные люди, но незримо он всегда рядом со мной».

На этих мыслях меня прерывает дядя Санди.

– Доминик, – говорит он мне, – ты вовсе не спишь, я давно за тобой наблюдаю.

Я чувствую, что он ложится рядом, песок справа от меня приходит в движение.

– Я очень даже крепко сплю, – говорю я, и мы с ним начинаем долго заговорщицки хихикать.

Я люблю дядю Санди. Он – наш сосед справа, друг детства моей мамы и тети Бетси и вообще один из близких людей нашей суматошной семейки.

– Только не разговаривай с ней о Маркусе! – кричит тетя Бетси. – Она еще страдает.

Да, тактичности ей не занимать. Санди удивленно поднимает одну бровь.

– Ты собиралась выйти замуж за человека по имени Маркус? – спрашивает он.

– Что ты, он не любил меня так, как надо.

– А как надо?

– Меня надо любить до комка в горле или, на худой конец, до боли в сердце. Другие отношения мне не нужны.

– А он как тебя любил?

– Меньше. Много меньше своей бейсбольной перчатки.

И мы с дядей Санди вновь заходимся смехом.

– Ты все-таки спросил ее о Маркусе! – сердито говорит тетя Бетси.

– Я должен быть в курсе ее душевных метаний!

– Что бы вы, мужчины, понимали в душевных метаниях! – фыркает тетя Бетси.

– Санди все понимает в женских метаниях, – говорю я.

– Зови его дядя Санди, сколько тебе говорить!

– Я привыкла звать его по имени.

– Ты уже выросла, оставь эти детские штучки!

– Девочки, не ссорьтесь из-за меня!

– Вот еще. Из-за тебя! Мы ссоримся на предмет воспитания.

– Это ты, Бетси, круто завернула. Пойду окунусь после такого заявления.

Я покорно встаю и плетусь следом. Я привыкла ходить следом за дядей Санди. У меня это с детства.

Тетя Бетси недовольно следит за мной. С тех пор как я выросла, они с бабушкой Амандой стали очень подозрительными.

Им кажется, что я все еще ребенок, но теперь имею полное право уходить из-под их контроля. Тетю Бетси и бабушку Аманду это неимоверно напрягает.

Но мне этой весной исполнилось восемнадцать лет. И теперь я просто обязана быть самостоятельной.

Моя тетя Бетси ни о чем не жалеет. Она говорит, что, если бы она обо всем жалела, она была бы сплошной страной потерянных возможностей. А ей есть о чем жалеть, в свое время она окончила известную школу театрального мастерства, где училась вместе с популярными нынче актерами.

Но потом ее любимая сестра Моника родила меня. И тетя Бетси осталась со мной на руках, потому что маме нужно было срочно ехать в очередную экспедицию.

А так как экспедиции моей мамы никогда не заканчивались, то тетя Бетси так и не смогла вернуться к своей основной профессии. А потому она довольствовалась счастьем заниматься мною и своим любимым делом – кулинарией, которым она могла заниматься, не уезжая от меня на край земли.

Вот так и получилось, что меня вырастили тетя Бетси и бабушка Аманда.

У нас большой и уютный дом. Это наше родовое гнездо в полном смысле этого слова.

На первом этаже расположены комнаты тети Бетси и бабушки Аманды. Посередине – огромная гостиная с диванами, обеденным столом и большим телевизором, все как полагается.

Гостиная переходит в кухню, это территория тети Бетси. Нас с бабушкой Амандой там редко встретишь.

А наши с мамой комнаты находятся на втором этаже. Мамина комната снизу доверху заполнена археологическими достопримечательностями, я вожу туда подруг, как в некий исторический музей.

В моей комнате тоже есть все для счастья. Большой стол, кровать, уютные кресла и шкафы, заполненные всякой жизненно необходимой ерундой.

И во всех комнатах – по два окна, одно смотрит на соседний дом, а второе – на океан.

Еще в доме есть две веранды, одна находится на первом этаже, вторая – на втором. Веранды опутаны диким виноградом, на первом этаже мы любим пить чай на закате и смотреть, как величественно темнеют волны океана.

Вокруг дома растут кусты роз бабушки Аманды. Почему они считаются розами бабушки Аманды, я так и не выяснила, потому что занимается ими все та же вездесущая тетя Бетси.

У меня есть мечта – завести большую собаку сенбернара. Но тетя Бетси и бабушка Аманда встали стеной, и я поняла, что проживу свою жизнь без собаки.

Дядя Санди сказал, что тогда в знак солидарности со мной он тоже не будет заводить свою любимую породу какую-то ужасную тибетскую борзую, чтобы мне было не так обидно.

Бабушка Аманда сказала, что тибетскую борзую она бы тоже не перенесла. Хотя при чем тут она – и собака нашего соседа справа?

Но Санди – уже давно практически член семьи. Все наши проблемы он обычно принимает близко к сердцу, и его достижениям мы тоже радуемся вместе с ним.

Тетя Бетси всегда говорит мне, что мечты сбываются. А это значит, что, может быть, у меня еще будет собака.

Но бабушка Аманда всегда при этом добавляет, что, если мечты сбываются, значит, наступает старость. Такая вот у них странная философия.

Бабушка Аманда любит, чтобы в жизни все было запланировано и выполнялось по строго задуманному свыше расписанию.

– В нашем роду принято в восемнадцать лет встречать свою любовь, в девятнадцать – выходить замуж, а в двадцать лет рожать первого ребенка.

Бабушке Аманде повезло, в свое время она родила сразу двоих, мою маму и тетю Бетси. Но в остальном в высшем расписании были небольшие сбои.

Как-то: в двадцать один год мама уже развелась. А тетя Бетси – так и не встретила свою любовь, не вышла замуж и никого не родила.

– Моя любовь – это ты и кулинария, – обычно говорит мне тетя Бетси.

– Мне льстит этот сравнительный ряд, – говорю я.

– Когда у тебя будет любимое занятие, которому ты без страха и упрека будешь готова посвятить жизнь, ты меня поймешь, – говорит тетя Бетси.

У дяди Санди есть такое занятие, которому он смело отдавал жизнь, время, чувства и эмоции. Это была его профессия, он был кинорежиссер.

Санди Хоггард – известный режиссер, востребованный обществом, обласканный зрителем и журналистами. В его блистательной биографии не было ни одной прорехи, он был идеален.

У него все герои в фильмах – живые. Ну не знаю, как это получше объяснить, но он даже Хилари Кейл снимает ненакрашенной!

В его фильмах нет загорелых стройных женщин с кукольными личиками и упругими локонами, мужчины не играют бицепсами, трицепсами и всем остальным. Зато шутят так, что кажется – им все в мире по плечу, и за ними хочется идти, куда бы они тебя ни позвали.

А еще все его фильмы о любви, но это не совсем обычные мелодрамы. В его фильмах никогда нельзя понять, с кем останутся главные герои.

Нет, вроде бы весь фильм ты все понимаешь. Но в конце обязательно хлопаешь себя по лбу и говоришь, ой, как это я не заметил, что главная героиня больше жизни любит именно этого героя, а не двух других?

В его фильмах столько загадок и такая разминка для ума, что мало не покажется. И говорю я об этом не как человек заинтересованный или потому что знаю Санди Хоггарда лично.

Я говорю как простой зритель, любящий хорошие истории, от которых потом долгое время нельзя спокойно спать.

Такой вот у нас знаменитый сосед и друг семьи. Но мы любим его не за это, мы знаем, что он действительно особенный и ему можно доверять.

Он и меня когда-то снял в двух своих фильмах. В «Счастье где-то рядом» я появляюсь в виде ангела с крыльями, а в «Ланче на природе» играю девочку, у которой герой спрашивает, по какой дороге идти, а девочка начинает читать ему свои стихи.

Он снял бы меня еще где-нибудь, но бабушка Аманда сказала, что это непомерно завысит мою самооценку. И дяде Санди после долгих споров о том, что завышенная самооценка это не так уж и плохо, пришлось сдаться.

На мое восемнадцатилетие дядя Санди хотел сделать грандиозный подарок. Он обещал увезти меня в горы и научить кататься на лыжах.

Но тетя Бетси и бабушка Аманда бог знает что устроили. Она стали орать, что никуда меня не отпустят, что мы свалимся с вершины, или свалюсь одна я и непременно, а дядя Санди, как мужчина, уцелеет.

Бабушка Аманда даже слегла поболеть и показать лишний раз всем и каждому, как она немощна и стара.

– Никому нет дела до моих болезней, – говорила бабушка Аманда.

– При чем тут твои болезни? – удивленно спрашивали ее мы с дядей Санди.

– Я не переживу, если ты уедешь в горы, – говорила она мне.

– Все люди ездят в горы! – возмущенно говорила я.

– Это чужие люди, они меня не интересуют, у них есть свои бабушки, чтобы за них волноваться, – говорила бабушка Аманда.

– Волноваться это не значит перекрывать полную свободу, – говорил дядя Санди.

– Ну вот, ты мне еще скажи, что я ей полную свободу перекрываю, – совсем расстраивалась бабушка Аманда.

Словом, они с тетей Бетси постарались отравить мне весь праздник.

Тогда Санди подарил мне сухопутные лыжи на колесиках. И мы с ним сделали вид, что успокоились.

Мы вставали рано утром и тренировались, катаясь по дороге позади нашего дома, пока там не было машин, чтобы научиться сносно держаться на этих лыжах на колесиках и не терять времени потом, когда мы окажемся в горах.

Или нас все-таки отпустят туда тетя Бетси и бабушка Аманда. Или мы уедем сами.

Катаясь на лыжах-роллерах по утрам, мы с ним хохочем шепотом, чтобы не разбудить весь квартал. Я никак не скоординируюсь на его учении: толчок – скольжение, а надо еще не забывать отталкиваться палками.

Санди говорит, что у меня нет никакой координации, как между слухом и голосом, и что он со мной теряет время, и как я буду кататься на снегу, если я ни на что не способна на асфальте?

Но я вижу, что ему весело, и мы здорово проводим время. У него по жизни нет никаких родственников, поэтому он очень привязан к нашей семье.

Своих родителей Санди почти не помнит. Вначале им занималась какая-то тетушка, которой тоже потом не стало, потом – какой-то опекун, который чуть не лишил его родительского дома.

Но вопреки всему Санди не отбился от рук, а стал приличным человеком. Вместе с моей тетей Бетси он окончил школу искусств и стал режиссером. Вот и вся его история.

На несколько месяцев он обычно уезжает на съемки очередного фильма, а отдых всегда проводит на нашем пляже или у нас на веранде, уплетая пироги тети Бетси. Бабушка Аманда при этом треплет его по волосам и говорит, что вот наконец-то мальчик повзрослел и теперь надо его удачно женить.

Мальчику сорок лет, как моей маме и тете Бетси, и он говорит, что ему рано жениться, у него еще много дел. При этом всегда подразумевается, что моей маме и тете Бетси выходить замуж уже поздно.

Но бабушка Аманда не теряется, она включает телевизор и находит канал, по которому как раз передают то, что надо.

– Смотри, Санди, Кэролайн Мембир развелась.

– Ты думаешь, он не знает? – отвечает вместо Санди тетя Бетси.

– Пусть обратит на нее свое внимание, – не отчаивается бабушка Аманда.

– Он знает ее как облупленную, она у него в двух фильмах снималась, – говорит тетя Бетси.

Мы с дядей Санди давимся от смеха пирогом.

– Чего ты смеешься? – набрасывается на него бабушка Аманда. – А Кэтрин Диас чем тебе не подходит? – не сдается она.

– Она уже влюблена, – терпеливо отвечает дядя Санди.

– В кого это?

– В Николаса Ланга.

– Отбей!

Бабушка Аманда бьет по полу своей палкой, и мы с Санди просто падаем со стульев от хохота.

– Не смешно! – обиженно констатирует бабушка Аманда. – Я в ответе за твою судьбу перед твоими родителями.

Бабушка Аманда поднимает глаза к небу, откуда, как предполагается, строгие родители Санди наблюдают за нашей несерьезной компанией.

В воде мы с Санди секретничаем. Тетка Бетси нас не слышит, а бабушка Аманда в связи со старостью на берег выходит редко. Она наблюдает за нами с веранды, и потом я обычно долго выслушиваю, что я не так и не то делала на пляже.

– Через неделю я везу в горы свою съемочную группу, – говорит дядя Санди.

– Ах! – говорю я.

– Но я не совсем уверен, что мы поступаем правильно.

– Ты обещал!

– Надо постараться получить их согласие.

– Они его не дадут.

– Может, они правы.

– Они просто перестраховываются. Сейчас на лыжах даже младенцы катаются.

– Младенцы еще не катаются, – недоверчиво говорит дядя Санди.

– Катаются-катаются, я по телевизору видела.

Он пристально смотрит на меня и понимает, что я вру. И мы опять хохочем.

Мы плывем с ним брассом наравне, это он меня научил. Через время я устаю и переворачиваюсь на спину. Дядя Санди – тоже.

Тетя Бетси наблюдает за нами с берега, приставив ладонь козырьком ко лбу.

– Вы уже подготовили там все для съемок? – спрашиваю я.

– Да.

– Понастроили декораций?

– Немного.

– Вы все время будете снимать в этом горнолыжном лагере?

– Нет, мы и на студии будем.

– Почему ты едешь именно в наши горы и не хочешь поехать куда-нибудь подальше?

– Подальше – по смете будет гораздо дороже.

Я брызгаю на него водой.

– Ты рассуждаешь, как промышленник.

– Я и есть промышленник, кино – это мой бизнес.

– Кино – это еще и моральный аспект.

– Ну с моралью у меня вроде всегда все в порядке, – говорит Санди, – краснеть перед обществом не приходится.

– Да, – поддакиваю я, – бабушка Аманда видела все твои фильмы по несколько раз и еще ни разу ни в одном эпизоде не отвела глаза от экрана.

– Вот видишь, – улыбается он, – это большой показатель.

– А сколько продлятся съемки? – спрашиваю я.

– Три месяца, но все будет зависеть от погоды. Мне нужно много снега.

– А еще что тебе нужно?

– Большая заснеженная поляна среди сосен, где я мог бы уронить вертолет.

– По-настоящему?

– Да.

– С людьми?

– Нет, там будет специальный кран и комбинированные съемки.

– А почему ты не снимешь все на студии?

– Мне нужен настоящий заснеженный склон, древние сосны, огромные сугробы и яркое солнце, – мечтательно говорит он.

– Вот бы посмотреть.

– На съемки тебя точно не отпустят, у тебя же экзамены.

– О да, я и забыла.

– Какая безответственность!

– Не беспокойся, бабушка Аманда с тетей Бетси тщательно проследят и напомнят вовремя. Что бы я без них делала?

– А сама взрослеть не собираешься?

– Не-е-ет, – улыбаюсь я и оглядываюсь на берег.

Тетя Бетси машет нам рукой, ей кажется, что мы слишком далеко заплыли. Дядя Санди тоже оглядывается.

– Они с тобой никогда не отдыхают, – говорит он.

Мы разворачиваемся и плывем к берегу.

– Они обещают отдохнуть, когда я выйду замуж, – говорю я.

Санди смотрит на меня очень внимательно, стараясь скрыть улыбку.

– И когда ты выйдешь замуж?

– Но я не хочу замуж!

– А что ты хочешь?

– Сбежать из дому с какой-нибудь заезжей цирковой труппой.

– И кем ты там будешь?

– Ну что ты, Санди, я же шучу! Побег с цирковой труппой – это вовсе не моя биография.

Он поднимает одну бровь.

– А что – твоя биография?

– Побег с какой-нибудь съемочной группой!

– Доминик, я серьезно.

– Хорошо-хорошо, совсем серьезно: моя биография – мраморные полы, витые колонны, звон хрустальных бокалов, выезды в открытом автомобиле, огромные шляпы с вуалью и дамский мундштук с сигаретой.

Он смеется.

– Особенно про мундштук мне понравилось, – говорит он.

– А о чем мечтаешь ты? – спрашиваю я.

Санди задумывается.

– Ты знаешь, ни о чем. Моя жизнь удалась. Все, чего я хочу, сбывается, все планы претворяются в жизнь. И рядом со мной люди, которые меня понимают.

Я смотрю на него во все глаза.

– Вот бы и мне такую легкость и простоту существования, – говорю я.

Санди смеется и тоже брызгает на меня соленой водой.

На мелкоте к нам подплывает тетя Бетси, она соскучилась, и ей хочется поговорить.

– Вы о чем разговаривали? – спрашивает она.

– О жизни, – отвечаем мы с дядей Санди почти одновременно и хитро смотрим друг на друга.

2

Вечером ко мне приходит Ванесса. Бабушка Аманда говорит, что у Ванессы слабая нервная система, а тетя Бетси – что у Ванессы просто нет силы воли.

Несмотря на отсутствие силы воли и массу других недостатков, Ванесса – моя лучшая подруга. Она живет недалеко от нас, так что мы с ней с детства привыкли крутиться неподалеку друг от друга.

Ванесса влюбляется во все, что встречается на ее пути. Если у нас в доме во время чаепития включен телевизор и у нас в гостях находится Ванесса, мы в очередной раз выслушаем, какой голубчик Николас Ланг, какая умница-красавица Кэролайн Мембир, какая очаровательная страна Гонконг и какой лучший город в мире – Рим.

Все, что показывают по телевизору или упоминают окружающие ее люди, приводит Ванессу в неописуемый восторг и благоговение. Посторонний человек счел бы все это за грубое притворство.

Но мы знаем Ванессу с рождения. Она была влюблена в каждую свою игрушку, кофточку, платьице и печь, в которой разогревалась ее молочная смесь.

Ванесса знает, что мы с Санди через неделю удираем без спроса в горы, она счастлива за нас и огорчена за бабушку Аманду и тетю Бетси.

– Сами виноваты, – говорю я, – если бы они нас отпустили, не пришлось бы врать.

– Они в ответе за тебя.

– Санди тоже в ответе за меня. Что со мной может случиться, если кругом будут взрослые люди?

– Бабушка Аманда и тетя Бетси переживают.

– Пусть привыкают, что я уже выросла.

Ванесса сидит на моей кровати, поджав ноги к подбородку, и разрабатывает стратегический план.

– Давай я приду к вам в гости с утра пораньше и буду их отвлекать.

– Как ты будешь их отвлекать? – говорю я, в очередной раз просматривая список крайне необходимых вещей, которые нужно будет тайно вынести из дома в раннее утро побега.

Вообще-то дядя Санди сказал, что все необходимое он купит по дороге, начиная от носков с подогревом и заканчивая теплыми курткой и шапкой. Лыжи нам выдадут на месте.

– Я приду к ним завтракать, – говорит Ванесса, – и буду вести отвлекающие разговоры.

Я отрываюсь от своего списка.

– Но они и так не будут волноваться, – говорю я, – они будут знать, что Санди просто забрал меня на показ своего фильма. Они даже не подумают о том, что во время завтрака мы уже будем подлетать к горнолыжному лагерю.

– Ну а вдруг? Вдруг понадобится моя помощь?

Вот такая она, Ванесса, добрая, бескорыстная, желающая обнять весь мир, всегда должна быть всем полезной.

– Ну хорошо, приходи к ним завтракать, – соглашаюсь я, – скрасишь их одиночество в мое отсутствие.

Потом мы с ней обсуждаем Маркуса, которого она недавно встретила в автобусе.

– Представляешь, отрастил челку до носа, ничего не видит, меня не заметил, он страдает по тебе, – делает вывод Ванесса.

– Да ну? – недоверчиво говорю я.

– Верно-верно, – кивает Ванесса, – очень страдает.

– Это ты загнула, он уже и думать забыл обо мне. А впрочем, как и я о нем, – говорю я, подавляя зевоту.

– Не может быть! Все вокруг только и говорили о вашей свадьбе, а они уже и думать друг о друге позабыли.

– Всем просто было нечем заняться, вот они и сплетничали.

– Все видели искренность ваших чувств!

– Не смеши меня, какая искренность чувств, если мы с ним знали друг друга с детства! О какой свадьбе могла идти речь? Замуж выходят за человека нового, таинственного и неразгаданного, а потом открывают и изучают его всю жизнь.

Ванесса сидит с открытым ртом и надкусанным печеньем в руке.

– Скажи, что ты пошутила! – говорит она.

– Я пошутила? Да я серьезна, как ясень!

– С тобой не соскучишься, – качает головой Ванесса. – Маркус мог бы открывать тебя всю жизнь.

Я пожимаю плечами.

– Наверное, ему показалось, что он уже все открыл.

Ванесса тянется за очередным печеньем, промахивается и опрокидывает тарелку с печеньем на пол. Потом мы с ней ползаем под столом, все там подбираем и стряхиваем с рук прилипшие крошки в тарелку.

– Я заберу своей собаке, – говорит Ванесса, – она не откажется.

– Если бы у меня была собака, она бы тоже не отказалась от тарелки с печеньем, – вздыхаю я.

– Маркус тоже собрался поступать в наш университет. – Ванесса не уходит от темы.

– Откуда ты знаешь? – равнодушно спрашиваю я.

– Его родители сказали моим родителям.

– Ладно, пусть поступает, места всем хватит, – разрешаю я.

Ванесса смеется.

– Его родители жалеют, что вы расстались.

– Это они тебе сказали?

– Нет, по их лицам видно.

– А-а.

Мы сидим под столом на моем цветном одеяле, которое Ванесса зачем-то прихватила с собой с кровати, когда полезла подбирать печенье с пола. Я представляю, что, если сюда зайдет тетя Бетси, ее хватит удар от увиденной картины.

Бабушка Аманда редко поднимается ко мне в комнату. Она горестно рассказывает всем, что ее старости уже не хватает на то, чтобы забраться на второй этаж собственного дома.

– Он тебе уже совсем безразличен? – недоверчиво смотрит на меня Ванесса, продолжая тему о Маркусе.

– Ну почему же. Я привязана к нему, как к нашей веранде, к пальме у входа и к кустам роз у заднего крыльца, – смеюсь я.

– И как к океану на закате, к скалам вдали и к звездам в ночной тиши? – лукаво спрашивает она.

– Не-е-ет, – говорю я, – океан, скалы и звезды – это то, что мне еще только предстоит встретить.

И мы с ней улыбаемся. Мы уже обсудили все вокруг и думаем, чем бы заняться дальше.

Но тут приходит тетя Бетси. И мы с Ванессой выслушиваем пространную лекцию о том, как негигиенично и невоспитанно сидеть на полу под столом на чистом спальном одеяле.

– Если никто не видит, то можно, – пытается вставить Ванесса.

– Только не скажи это при бабушке Аманде! – назидательно поднимает вверх указательный палец тетя Бетси.

Прежде чем идти дальше, нужно немного рассказать о Маркусе. Я знаю его с детства, как и Ванессу, он тоже все время был где-то неподалеку.

В детстве принимаешь мир таким, какой он есть. И даже не задумываешься, почему в твоей жизни присутствуют именно эти люди, а не какие-нибудь другие.

Просто выходишь на улицу, а там тебя ждет твоя компания. И какие-нибудь проблемы и разногласия, которые были вчера, благополучно забыты, потому что сегодня опять случится много нового и интересного.

С детства нас с Маркусом дразнили женихом и невестой, и к подростковому возрасту мы уже воспринимали это так же естественно, как овсяную кашу на завтрак. Знаешь, что это не очень вкусно, но понимаешь, что будет так, а не иначе.

И потому, когда мы выросли, наше будущее для окружающих было уже вопросом решенным. Да и нам самим казалось, что мы являем друг для друга судьбу, счастье и любовь.

Поэтому обжигающей любви юности у меня не было, возле меня все время крутился Маркус. А когда с человеком общаешься такое количество лет, трудно заметить, как, оказывается, мы духовно далеки друг от друга.

И только когда мой внутренний мир приобрел для меня какие-то более-менее ясные очертания, я стала потихоньку осознавать, что мы с Маркусом совершенно разные люди. Мы с ним никогда не держали одной точки зрения ни на один предмет, событие или явление.

– Нет одинаковых людей, – объясняла мне бабушка Аманда, – мы с твоим дедушкой Фредериком тоже никогда не держали одну точку зрения ни на один предмет, событие или явление.

– О да, споры были такие, что пыль столбом по всему дому стояла, – говорила тетя Бетси.

– Я бы так не сказала, – качала головой бабушка Аманда, – Так вот, о чем это я, – продолжала она, – на том и стоит наш мир: как нет идеальной книги или совершенного фильма, везде есть какой-то изъян, с которым кто-то будет не согласен, так и не бывает людей, точки зрения которых идеально совпадали бы.

– Я не об этом, – говорила я, – я пока не совсем понимаю, но мне кажется, что мир гораздо больше и притягательнее того маленького мирка, который мы с Маркусом для себя создали.

– Бетси, о чем это она? – расстраивалась бабушка Аманда.

– Она о том, что ей кажется, что Маркус – не ее человек.

– А кто ее человек?

– Ей кажется, что она его еще не встретила.

– Где же она его встретит, если кругом один Маркус?

– Ну вот пусть поступит в университет, там и встретит.

– Но мы же не знаем тех, кого она там встретит, а вдруг у них что-то плохое на уме?

– А вдруг ей мало того, что на уме у Маркуса?

– Так создайте себе мир побольше, – обращалась ко мне бабушка Аманда.

– С Маркусом этого не получится.

– Каждый человек сам творец своего счастья, – настаивала бабушка Аманда.

– Боюсь, что Маркус – это не мое счастье.

– То есть ты хочешь сказать, что он – прошедший этап?

– Ну почему же прошедший? Мы все к нему привыкли, пусть крутится неподалеку. Он уже – как наши ступеньки и перила на веранде. Такой же близкий, но от этого ни холодно ни жарко.

– Бетси, ты слышишь, что она опять выдумала? Маркус – это перила на веранде!

Словом, мне трудно было им что-то объяснить. Они не слышали меня и не хотели слышать, не понимали и не хотели понять.

Они не понимали, зачем нужно менять то, что годами слажено, отработано и худо-бедно действует. Вот есть молодой человек, который неплох собой, не слишком глуп, почти не зануден, по-своему ласков и приветлив.

Но я знала, что он никогда не совершит поступок, который выбьет землю у меня из-под ног. И я никогда не захочу проговорить с ним от рассвета до заката о какой-нибудь ерунде.

Не скажу, что он был уже прошедшим этапом, нет. Пусть мы дружим семьями, иногда они приходят к нам на обед или приглашают нас к себе на барбекю.

Но это не тот человек, перед которым я хотела бы встать на колени и сказать, что не могу заснуть без мысли о нем и не могу дождаться нового дня, чтобы вновь его увидеть.

Он уже ничем не мог удивить меня. А я его ничем удивлять и не хотела.

Ванессу я тоже знала с детства, но мы с ней никогда не были зависимы друг от друга, всегда ценили чужое мнение и не угнетали свободу друг друга. А если Ванесса иногда хотела за мной повторять, то это был только ее личный и моральный выбор.

Мы с Ванессой собрались стать журналистами. Мы ведь с ней мудры не по годам и понимаем, что только в этой профессии наши бурные фантазии смогут развернуться всласть.

Долгие годы, начиная с моего раннего детства, мои хлопотливые бабушка Аманда и тетя Бетси вели кропотливую работу, стараясь направить мои затаенные способности и мечты в правильное русло.

Они записывали меня во всевозможные кружки и тревожно присматривались к моим способностям и достижениям.

– Быть может, ты хочешь стать актрисой? – спрашивала меня тетя Бетси.

– Вряд ли, – отвечала ей бабушка Аманда, – вспомни, как она играла третьего волхва в прошлом году в рождественском спектакле. Ни экспрессии, ни эмоций.

– Какие эмоции, она же шла во втором ряду, зачем ей было напрягаться? – отвечала тетя Бетси.

– Да хоть в четвертом! Актрису ничто не должно смущать! Она должна и во сне вживаться в роль!

– Ничего подобного. Без камер все актрисы – нормальные люди.

– Актриса всегда должна представлять себя под камерами!

– Все-таки надо было отдать ее в балет, – меняла тему тетя Бетси.

– Да ее в три балетные школы не приняли. Ты же видела, как она ставила ноги!

– Надо было подольше с ней заниматься, человека разумного всему можно научить.

– Я сама не хотела, – напоминала я, – и специально ноги не так ставила, я вам уже сто раз признавалась.

– Напомни, напомни мне о моем склерозе, – вздыхала бабушка Аманда.

– А вокалом, как она занималась вокалом! – вспоминала тетя Бетси.

– Лучше не напоминай! – говорила бабушка Аманда.

– А вспомни, как она хотела быть криминалистом! Весь дом был усыпан этим железным порошком.

– Может, ты все еще хочешь быть археологом, как твоя трудолюбивая мать? – подозрительно спрашивала бабушка Аманда.

– Нет, – говорила я, – уже не хочу.

– Конечно, не хочет, – говорила тетя Бетси, – после того как они с Ванессой перекопали весь пляж и взялись за ближайшие частные участки, а соседи написали заявления в полицию, ее страсть немного поутихла.

– Нет, – отвечала я, – моя страсть утихла навсегда. Я дошла до сути этой профессии, постигла все тайны и пресытилась.

Бабушка Аманда качала головой.

– А ведь ты очень мило играла на гобое, – начинала она сызнова.

– Бабушка, давай не будем об этом.

– А купленный специально для тебя синтезатор! У тебя была такая милая учительница!

– Надо было все-таки заставить ее окончить музыкальную школу, – складывала руки на груди тетя Бетси.

– Это же твоя идея была – не заставлять бедного ребенка что-то делать, чтобы не поломать ее психику.

– Я ей доверяла, – говорила тетя Бетси, – я верила, что она сама определится.

На что бабушка Аманда только фыркала и принималась за свое вязанье. Это означало, что разговор на сегодня закончен и я могу отдохнуть и расслабиться до следующего раза.

А назавтра все начиналось с самого начала. Но все время с разными вариациями и исполнением.

В конце концов чего они только и добились, так это моей стойкой боязни, что когда я вырасту, то стану кем-нибудь не тем, кем надо. Единственным трезвым человеком во всей этой истории был дядя Санди.

Он сказал, чтобы я ничего не боялась и что в моей жизни все еще миллион раз переменится. И если я вдруг по неосторожности случайно стану кем-нибудь не тем, кем надо, то у меня будет полно времени переучиться.

Но все-таки я очень признательна им всем. Потому что только благодаря их неусыпной заботе я читала нужные книги и смотрела лучшие фильмы.

Тетя Бетси водила меня на серьезные спектакли, а бабушка Аманда даже умудрилась привить любовь к опере. Дядя Санди ненавязчиво читал мне лекции о сценарном и режиссерском мастерстве, а мама в редкие приезды погружала меня в глубь веков, столетий и истории.

Так я постепенно становилась личностью. Со своим мировоззрением, мироощущением, взглядами на жизнь и каким-никаким кладом мудрости в душе.

И однажды я сама поняла, кем хочу быть.

– Журналистом? – удивилась тетя Бетси. – Офисным клерком, безропотно выполняющим поручения своего начальника?

– Журналистом? – подняла брови бабушка Аманда. – Вьючным мулом, скачущим по городу в поисках сенсаций?

– Журналистом? – хмыкнула мама. – Ну-ну, и что же нового ты скажешь в истории?

– А ведь это совсем неплохо, – подмигнул мне дядя Санди. – Думаю, что в этой профессии ты сможешь выразить себя.

Так мы с Ванессой решили быть журналистами. Ванесса ведь – куда я, туда и она.

Мы и с ней и современными танцами занимались, и восточными единоборствами, и на курсы стенографии зачем-то полгода ходили. Даже как-то пару режиссерских сценариев начинали писать, пока не поняли, что ни один канал их не возьмет, так как в них не было ни острого криминала, ни душераздирающего драматизма.

Школу мы окончили отлично, предложений было много, но мы выбрали местный частный университет. Потому что образование можно получить где угодно, а от любимых родственников уезжать было грустно. Это я так решила.

Бабушка Аманда и тетя Бетси по достоинству оценили мой поступок. Они ходили тихие и восторженные, светились теплым внутренним светом благодарности.

Что бы они делали, если бы я от них уехала? Кого воспитывали и оберегали от опрометчивых решений? Кому пекли пироги? Кто скрашивал бы их долгие вечера? Родители Ванессы тоже были счастливы.

Через полмесяца мы должны были сдать пару экзаменов, но дело было уже решенным. Так что пока мы только делали вид, что готовимся к этим экзаменам, а по сути – неплохо проводили время.

Мы набирали массу книг на пляж и засыпали прямо на тетрадях. Периодически нас будила тетя Бетси со стаканом свежевыжатого сока, или кто-то из отдыхающих попадал в нас волейбольным мячом.

3

Когда-то давно, в моем глубоком детстве, дядя Санди сказал мне, что все его фильмы – это его тайный диалог со всеми нами. Я понимающе кивнула.

– Со всеми нами, зрителями?

– Нет, не со всеми зрителями, – сказал он, – а только с вами. С тобой, твоей мамой Моникой, тетей Бетси и бабушкой Амандой. Ведь мои близкие люди – это вы.

Я тогда не совсем поняла, о чем он говорит. Но по мере взросления я стала это видеть, и мне все это очень нравилось.

То Лорена Ламберт говорила какую-нибудь любимую фразу моей бабушки Аманды и патетически подносила руку ко лбу. Точь-в-точь как это любила делать бабушка Аманда, когда хотела привлечь внимание окружающих к своим бесчисленным проблемам.

То Кэролайн Мембир пекла яблочную шарлотку и причитала при этом, как тетя Бетси. То Хилари Кейл моталась по миру, забыв про воспитание собственного ребенка.

А то и сам Николас Ланг смотрел прямо в камеру и говорил те слова, которые, как я надеялась, однажды скажет мне мужчина моей мечты.

– Ну вот, опять мы тайно прославились на весь мир, – говорила, глядя на экран, тетя Бетси.

– Это все – его дары нам, – умилялась бабушка Аманда, – мы должны это ценить.

Они были горды и счастливы, это трудно было не заметить. Их ненаглядный Санди Хоггард таким образом разговаривал с ними о своей любви.

Но были в его фильмах и такие скрытые моменты, которые приходилось разгадывать не один день. И частенько я вдруг совершенно случайно понимала, о чем хотел сказать мне тот или иной его герой или почему какая-нибудь героиня поступила именно так, а не иначе.

Думаю, таким образом Санди тонко направлял меня по моему истинному пути. Он был другом, опытным и мудрым.

Достаточно мудрым, чтобы не делать какие-то вещи напрямую. А потому в моем воспитании этот человек играл большую роль.

Мой отец обо мне не вспоминал, но это меня совсем не расстраивало. Разные бывают семьи, у нас была такая, какая есть, и нас это устраивало.

Мир все равно бережно держал меня в своих ладонях. И если мне чего-то не хватало, в моей жизни это непременно появлялось.

Какие-то слова посторонних людей, чьи-то поступки, интересные книги, неожиданные мысли. Мир раскрывался передо мной точно так же, как и перед любым другим человеком. Никто на этой земле не бывает чем-то обделен, это я точно знала.

Даже тепло мамы, которую я видела редко, я не переставала ощущать никогда. Главное, что эти люди были в моей жизни. А сколько дней в году я их видела, это было уже не суть важно.

Думаю, что и к мысли о журналистике меня тоже дядя Санди подвел. Так однажды я вдруг поняла, что хочу именно этого.

Я могла заниматься чем угодно. Новостные репортажи, светская хроника, культура, туризм, религия, история, политика, экономика, спорт, наука, реклама, в конце концов.

Поездки по миру, знакомство с новыми людьми, собственные проекты. Профессия журналиста охватывала все аспекты в жизни, и только от тебя зависело – выбрать для себя то, что тебя больше всего интересовало.

Дядя Санди всегда был на моей стороне.

– Это потому, что он не несет за тебя такой ответственности, как мы с твоей тетей, – говорила бабушка Аманда.

– Нет, – говорила я, – это потому, что он и правда меня понимает.

Когда мы с Ванессой хотели быть криминалистами, дядя Санди приносил нам нужные книги. А когда мы готовили себя в археологи и, досконально изучив пляж, перекинулись на участки соседей, именно он договаривался с нашими соседями и полицией о смягчении нашего наказания.

Когда я решила стать актрисой, он познакомил меня с Кэролайн Мембир, Хилари Кейл и Лореной Ламберт.

Кэролайн Мембир и Хилари Кейл – утонченные дивы, из картины в картину их бездонные глаза с поволокой методично разбивают сердца зрителей. А я ела с

ними мороженое на веранде у дяди Санди и видела грусть, неустроенность личной жизни и бытовые проблемы в этих их невозможных глазах.

А Лорена Ламберт – ровесница моей бабушки Аманды. Бабушка Аманда всю жизнь была ее верной поклонницей, а потому к знакомству с ней подготовилась с особой тщательностью и почтением.

Накануне она в сотый раз прочла ее фильмографию и мемуары. Чтобы блеснуть в разговоре своими знаниями и пониманием тонких струн души Лорены Ламберт.

Но Лорена Ламберт за обе щеки поглощала пироги тети Бетси и записывала в блокнот рецепты этих пирогов. И по-дружески призналась, как устала быть божеством и что она давно плюнула на общественное мнение. И рада, что хоть теперь, в таком почтенном возрасте может объедаться на ночь и не вскакивать ежесекундно на весы.

Бабушка Аманда тоже не вскакивала ежесекундно на весы. Но она на них и в молодости не вскакивала, ведь она не была актрисой, а была обыкновенным человеком, а поэтому она была малость потрясена такими откровениями.

Потом мы играли с ними в пинг-понг. Кэролайн Мембир и Хилари Кейл бегали босиком по зеленой траве – казалось, нимфы спустились на землю – и грубо ругались, когда шарик попадал мимо поля соперника.

Моя тетя Бетси когда-то училась вместе с ними. А потому она тоже неплохо повеселилась, вспоминая ушедшую молодость и свои веселые бесшабашные приключения.

Лорена Ламберт тоже разулась и призналась нам, что все эти радости ей доступны только в кругу близких людей.

Бабушка Аманда была польщена, что она теперь тоже близкий человек Лорене Ламберт. Но потрясение от босой Лорены Ламберт, проворно скачущей по лужайке, еще долго заставляло ее вздрагивать и пытаться отогнать от себя это навязчивое видение.

– Я думала, что встречусь с божествами, – говорила потом нам бабушка Аманда несколько вечеров подряд.

– Я же тебе говорила, что без камер все актрисы – нормальные люди, – отвечала ей тетя Бетси.

– Не берите в голову, – улыбался дядя Санди, – я просто хотел, чтобы с ними познакомилась Доминик.

– Для меня они как были божествами, так и остались, – говорила я, – и кто вам говорил, что божества не едят пироги и не бегают босиком по зеленым лужайкам?

– Конечно, и едят, и бегают, – соглашалась бабушка Аманда, – но тайно.

А потом я выросла. И Санди первый это заметил.

Он купил мне вечернее платье, подставил локоть и повел есть устриц и мороженое в фешенебельный ресторан. А потом свозил меня на бутафорский весенний бал, который устраивала его киностудия.

Там со мной знакомились молодые сценаристы и немолодые помощники продюсеров. Актер Ричард Камер станцевал со мной пару танцев, оператор Дэвид Майер делал вид, что ревнует, а известный продюсер Дэнис Круз заказал для меня коктейль по особому рецепту.

И местные газеты написали, что известный режиссер Санди Хоггард вывел в свет свою племянницу.

– Ну надо же, наша Доминик и правда выросла, – пустила слезу, читая газету, впечатлительная бабушка Аманда.

– Если бы не светская хроника, вы с тетей Бетси так бы этого и не заметили? – удивилась я.

После того как Ванесса уходит домой, несмотря на то что у нас сегодня «уточка с ананасиками», семья садится ужинать. К ужину приглашен дядя Санди.

Хотя какое там приглашен, он и так почти все время проводит с нами, когда бывает дома. Мы можем просто белый флаг на веранде вывесить, это будет значить: «У нас ужин вот-вот начнется, сколько можно тебя ждать?»

Тетя Бетси – прирожденный повар, даже удивительно, что она когда-то училась на актрису. Я никогда не могла понять, как это – в утку положить мед, финики и ананас и получить продукт пальчики оближешь. Мне этого не постичь, хотя я с детства за тетей Бетси наблюдаю.

Я совершенно не умею готовить, но подозреваю, что это какой-то особый вид искусства и наслаждения. И многие люди на этой планете это хорошо понимают.

Я же задаюсь этим вопросом время от времени, видя, как самозабвенно тетя Бетси колдует над очередным кулинарным шедевром. И выглядит при этом такой счастливой, как будто только что постигла очередной закон вселенной.

Она могла делать какие-то невероятные салаты из морепродуктов, зелени и фруктов. Ее соусы всегда отличались невероятным подбором ингредиентов и фантастическим вкусом.

Тетя Бетси знала наизусть все приправы мира. И сердцем чуяла, куда их надо было добавлять.

Ее открытые пироги и пицца были загадкой для всех соседей. Хотя, казалось, в них налицо все продукты, которые они содержат.

Да и рецепты тетя Бетси никогда не держала в тайне. Она делала мороженое, которое вам не предложат ни в одном ресторане. А ее фантастические супы славились на всю округу.

– Приготовление пищи – это самое древнее искусство, – говорила тетя Бетси, – как наши предки жарили мясо на углях, так и мы его жарим.

– Я понимаю, что однажды к нашим предкам в их древний костер случайно упал кусок мяса, посолился, поперчился и поджарился, и предки поняли, как это вкусно. Но зачем в этот же костер упали ананасы, финики без косточек и мед? – удивлялась я.

– Не утрируй. Остальные продукты туда упали не сразу, а постепенно. А дальше подключилась эволюция.

– А почему мне не дано понять нужное сочетание продуктов и предугадать конечный результат? По твоим словам, все вроде так просто.

– Ты рассуждаешь, как математик. Приготовление пищи – это творчество.

– А почему у меня ничего не получается?

– У тебя много чего не получается, – подключалась бабушка Аманда, которая вообще-то тоже готовить не умеет.

И мне приходилось тактично прерывать разговор.

Наша семья владеет небольшим ресторанчиком на берегу. В нем окна от пола до потолка, и все теплое время в году, а в наших краях это примерно полгода, они всегда открыты.

Его еще наш дед Фредерик построил. Это все, что он отставил бабушке Аманде.

– Совсем неплохо, – говорит бабушке Аманде наша соседка «сзади», – мне, например, мой супруг только одни долги оставил.

Бабушка Аманда вздыхает и не развивает дальше тему о том, что один ресторанчик – это не так уж много. Эту тему она полностью охватывает с другой нашей соседкой «издалека», которой муж оставил небольшой заводик.

Рестораном занимаются тетя Бетси и управляющий Кевин Данг. Он сын Барти Данга, который еще с нашим дедом Фредериком дружил.

Тетя Бетси поставляет в ресторан свои невероятные рецепты и ругается с поварами, а Кевин Данг следит за всем остальным. Это наш семейный бизнес, на это мы живем.

– Может, мне пойти учиться на повара? – говорю я иногда тете Бетси и бабушке Аманде.

– Не смеши людей! – восклицают они, и я на время успокаиваюсь.

На ужине тетя Бетси подкладывает самые лакомые кусочки дяде Санди и любуется здоровым мужским аппетитом.

– Доминик сказала, что вы на следующей неделе идете на предварительный просмотр «Дня в раю», – говорит бабушка Аманда.

Мы с Санди впервые врем бабушке Аманде и тете Бетси, а потому хватаем бокалы с апельсиновым соком и начинаем жадно пить.

– Да, идем, – невнятно бубнит дядя Санди.

– Но почему так рано? Доминик сказала, что ты зайдешь за ней еще до завтрака.

– Мы позавтракаем в городе.

Я тоже подключаюсь:

– Там еще будет экскурсия по студии, потом совещание сценаристов, потом еще что-то, а потом еще что-то, а позавтракаем и пообедаем мы в городе. А потом пойдем на маскарад.

– Ты поэтому с собой такую большую сумку собираешь? – интересуется тетя Бетси.

Я чуть соком не поперхнулась.

– Поэтому, – говорю я.

– Хорошо-хорошо, развлечешься перед экзаменами, я разрешаю, – кивает бабушка Аманда.

Мы с Санди даже взглянуть друг на друга от стыда не смеем. Но ведь все будет хорошо.

Вечером мы уже спустимся с гор. И расскажем им, как славно провели время, я научилась сносно стоять на настоящих лыжах. И они нас ласково пожурят.

Потом бабушка Аманда и тетя Бетси переключаются на какую-то другую тему, и мы с Санди можем спокойно вздохнуть.

4

Если наш сосед справа Санди Хоггард жил рядом с нами с Сотворения времен и никуда уезжать не собирался, то наши соседи слева менялись с завидной регулярностью.

Когда-то там жило шумное семейство Томпсон с тремя малолетними детьми. Папа Томпсон целыми днями в поте лица зарабатывал им на хлеб с молоком, а мама Томпсон вылавливала сорванцов по всему пляжу и ближайшим территориям. Потом им это надоело, и они куда-то переехали. Видимо, туда, где их дети постараются вести себя чинно и благонадежно.

Потом там жили молодые супруги без детей. Их дом был всегда открыт для друзей, приятелей друзей, просто знакомых и, казалось, всех остальных веселых путников, радостно зашедших на их приветливый огонек.

Словом, праздник в доме не затихал ни на минуту. Но долго эти соседи, нам на радость, тоже не продержались.

Потом там жила тихая семейная пара. Их раздражал яркий свет из наших окон, шум фонтанчиков у нас в палисаднике и даже тихий звук телевизора в комнате бабушки Аманды, которая вообще-то находилась с другой стороны дома.

Каждый раз они выдумывали что-то новое. Пока их взрослые дети не перевезли их куда-то, видимо, в более спокойное место.

Сейчас дом пустовал. И мы могли спокойно жить, включать свет, слушать музыку и бегать босиком по палисаднику, когда заблагорассудится.

И с опаской ждать, когда в дом слева опять заселится кто-то необычный. Тот, кто так или иначе все равно войдет в нашу жизнь и будет играть какую-нибудь роль в наших судьбах.

Через несколько дней дядя Санди подъехал к нашему дому на своей машине и тихо посигналил. Я наскоро попрощалась с сонными бабушкой Амандой и тетей Бетси и выскочила из дома.

– Может, все-таки расскажем им? – говорит в машине дядя Санди.

– Расскажем, когда вернемся, – тверда я, – они все равно не разрешат ехать и опять отравят мне праздник, а это – твой подарок на мой день рождения.

– Ну хорошо, – говорит он, – решили так решили. Оставляем проблемы за окном и едем как следует развлечься.

И действительно, от его слов все проблемы остаются за окном машины. Мне легко с ним. Легко и просто.

– Ты вечером вернешься со мной, а потом уедешь на три месяца? – спрашиваю я.

– Да, но я обязательно приеду поздравить тебя с поступлением в университет.

– А вдруг я не поступлю?

– Не выдумывай. Разве ты не чувствуешь, что это колеса твоей судьбы?

– Не чувствую, – говорю я.

Санди качает головой, и мы смеемся.

– Может, мне не поступать, а пойти к тебе в ассистенты?

– Не увиливай. Каждый порядочный человек должен получить образование. Но потом ты можешь быть кем хочешь.

– Даже твоим ассистентом?

– Даже моим ассистентом.

– Но если я уже это хочу, зачем откладывать?

– Нужна база.

– Какая база?

– Основная, – смеется Санди, – знания должны укладываться в твою голову как кирпичи строящегося здания. А если не будет фундамента, они будут висеть в воздухе, как воздушные шарики.

– Вон, оказывается, как все сложно и запутано, – говорю я и тоже смеюсь.

Но я всегда прислушивалась к его мнению. Как говорит бабушка Аманда, нас с ним объединяет тонкое искусство любить слова. С тех пор как я выросла, мы с ним запоем читали одни и те же книги, я смотрела все фильмы знаменитых режиссеров, которые он рекомендовал.

Сценарии к своим фильмам Санди либо сам писал, либо покупал авторские права на готовые и переделывал там все до неузнаваемости, камня на камне не оставлял. Оставалась одна идея, ради которой он порой все и покупал.

Но зато потом мы могли не один раз насладиться невероятной игрой слов, изысканными водоворотами диалогов, непредвиденными виражами сюжета и тонкими монологами главных героев.

Мы с мамой, тетей Бетси и бабушкой Амандой никогда не относились к тому, что Санди известный режиссер, с особым волнением и поклонением. Это был его

бизнес, каждый человек должен где-то работать.

Но работа режиссера помогает людям жить. Кино уводит от проблем, погружает в мир грез и фантазий, заставляет людей смотреть на жизнь бодро и уверенно, и это не могло не восхищать.

А потому и мама, и тетя Бетси и бабушка Аманда позволяли дяде Санди играть в моем воспитании и в моей судьбе одну из главных и серьезных ролей.

Около вертолета, который поднимет нас к горнолыжному лагерю, уже собралась часть съемочной группы. Тут были технические работники, оператор Дэвид Майер, который будет снимать картину, Кэтрин Диас, Николас Ланг и Ричард Камер.

Ричард Камер – известный актер, который устал от актерской карьеры и в последнее время снимает с дядей Санди все его картины в качестве второго режиссера. А Кэтрин Диас и Николас Ланг будут играть главные роли в будущей картине.

Дэвид Майер и Ричард Камер тут же бросаются меня обнять.

– Ты уже совсем выросла, – говорит мне Ричард Камер.

– Вы уже несколько лет мне это говорите, – улыбаюсь я.

– Правда? – удивляется он.

Ричард Камер – жгучий брюнет, он очень контрастирует на фоне светловолосого Санди Хоггарда, когда после съемок очередного фильма их фото публикуют в газетах. Ричард старше Санди, ему уже под пятьдесят, но у него нет ни одного седого волоса.

– Это гены, – с улыбкой говорит он, – я пью, курю и нервничаю, а здоровье хоть куда.

У дяди Санди давно виски седые, но на фоне его светлых волос это видно только бабушке Аманде. Да и то только тогда, когда она гладит его по волосам и причитает, что ее ненаглядный мальчик устает на работе.

Кэтрин Диас и Николас Ланг тоже приветствуют меня. Их роман в начальной стадии, поэтому они нежны и загадочны. Им сейчас не нужны другие люди и события, все, что им нужно, – только глаза друг друга.

Но если они наплюют на работу и погрузятся только в свои отношения, эти отношения закончатся гораздо раньше, чем предполагает большинство репортеров светской хроники. А потому Кэтрин Диас и Николас Ланг в таком заоблачном состоянии согласились сниматься у Санди Хоггарда в его очередном фильме о любви и счастье.

Николас Ланг – тот еще герой-любовник. Дядя Санди уже в третий фильм его протаскивает, а публика все равно валом валит на эти фильмы.

Потому что Николас Ланг, это вам не каждодневные поездки в скучный офис, кофе на голодный желудок и преферанс до полуночи в дождь. Николас Ланг – это завтрак в постель, горячий ужин при свечах, скоростной автомобиль на горной дороге и яхта под парусом в открытом океане.

А Кэтрин Диас чувственна и мила. Она знает, какая она по счету в списке Николаса Ланга, но тоже давно живет сегодняшним днем и принимает жизнь такой, какая она есть.

Санди Хоггард прочел тоску в ее глазах и пригласил сняться вместе с Николасом Лангом в своем новом фильме. И Кэтрин Диас сделает в этом фильме все, на что Санди рассчитывал, когда писал сценарий.

В вертолете я сажусь около иллюминатора и прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Мне нравится наше приключение, и я думаю, что взрослая жизнь – это свобода и легкость бытия.

Вообще-то именно об этом мне обычно и твердят тетушка Бетси и бабушка Аманда, когда говорят, что вначале нужно правильно определиться с выбором профессии, а уж потом можно будет творить свои счастливые будни собственными руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/elen-aleks_/mechty-sbyvayutsya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить